

Наталья Холмогорова, исполнительный директор Русского Общественного движения <http://editor.rus-obr.ru/blog/16874>. Опубликованный автором письменный текст объединяет два выступления на Круглом столе – стартовое и итоговое.

Для начала разберемся с терминологией. Общепринятое словоупотребление, сформулированное в 1960-х годах «Международной Амнистией», таково: политзаключенный – это любой заключенный, в деле которого присутствует значимый политический элемент. Либо в самих его действиях, либо в мотивах его действий, либо в причинах, побудивших властей отправить его за решетку. «Узник совести» - более узкое понятие: это человек, лишенный свободы из-за своих политических, религиозных или иных убеждений, или же из-за неотъемлемых характеристик личности (национальности, пола, социального положения и т.д.).

Понятия «политзаключенный» и «узник совести» юридического значения в России не имеют, поскольку официально считается – и Путин недавно в очередной раз это подтвердил – что политзаключенных у нас нет. Ибо нет «политических» статей УК, и все, кто сидит в российских тюрьмах – сидят «за уголовку».

Однако это не так: и узники совести, и политзаключенные в широком смысле слова в российских тюрьмах и СИЗО есть, и их достаточно много.

На мой взгляд, имеет смысл ввести еще одну градацию. Не все люди, преследуемые по политическим мотивам, находятся под стражей. Многие из них получают условные сроки; многие находятся под следствием, под подпиской о невыезде – и следствие иногда тянется годами. Некоторые скрываются, опасаясь ареста. Они не сидят за решеткой – однако испытывают значительные стеснения и неудобства, а также находятся под постоянной угрозой попасть за решетку. Любого самого мизерного правонарушения, любой провокации достаточно, чтобы их условный срок превратился в реальный. И все это – по причинам, связанным с их убеждениями или с государственной политикой. Поэтому, на мой взгляд, необходимо говорить не только о заключенных, но и о преследуемых по политическим мотивам – и в отношении к последним требовать также реабилитации (если они осуждены) или прекращения дел.

Кто является узниками совести в современной России? Во-первых, по нашему мнению, это люди, осужденные по статьям, собирательно известным как «антиэкстремистское законодательство». Это статьи УК 280 («публичные призывы к экстремистской деятельности»), 282 («возбуждение ненависти и вражды»), 282.1 и 282.2 («организация экстремистского сообщества, участие в экстремистском сообществе»), а также по статье 205.2 («публичные призывы к терроризму или оправдание терроризма»).

Само понятие «экстремизма» в российской юриспруденции не совпадает с международными правовыми нормами: оно значительно расширено. Шанхайская конвенция (подписанная Россией) говорит четко: «экстремизм» - это «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность». Таким образом, основной квалифицирующий признак экстремизма – насилие, причем достаточно серьезное, «крупномасштабное». В России же, согласно поправкам к закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 2008 года, к экстремизму причислены полтора десятка самых разных деяний, и подавляющее большинство из них к насилию отношения не имеет: речь идет о том, что люди что-то говорят, пишут, демонстрируют символику, «распространяют материалы», состоят в сообществах и т.д. Фактически речь идет о преследованиях за убеждения в чистом виде.

Часто можно услышать: «Антиэкстремистские статьи необходимы: иначе получается, что люди призывают к преступлениям, или организуют сообщества для совершения преступлений, или способствуют преступлениям, и все это остается безнаказанным». Но это

не так. Антиэкстремистские статьи фактически дублируют понятия и нормы уголовного права, существовавшие и до них. Так, в УК РФ есть статья 33, четко объясняющая, кто такой организатор преступления, кто подстрекатель, кто пособник. Статья 35 объясняет, что такое преступная группа или сообщество. В статьях 105, 111, 114 и других статьях, посвященных насильственным преступлениям, имеется квалифицирующий признак: «По мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» - наличие такого мотива рассматривается как отягчающее обстоятельство. Таким образом, нормы, необходимые для осуждения специфических «экстремистских преступлений», в УК уже есть.

Разница в том, что в «классическом», до-экстремистском УК все эти нормы привязаны к факту преступления. Где не было преступления (или хотя бы его попытки) – там не может быть ни подстрекательства, ни преступного сообщества, ни «мотива вражды». Это общий принцип уголовного права: преследуют и судят – за конкретное преступление. В «антиэкстремистских» статьях этот принцип нарушается: «преступлением» становятся высказывания, символические жесты, действия, которые теоретически, по мнению законодателя, могут привести к преступлению, даже если на практике они никогда к нему не приводят.

«Антиэкстремистские» статьи, прежде всего, 280 и 282, сформулированы настолько расплывчато, что подвести под них можно практически любое «острое» высказывание на социальные, национальные или религиозные темы. И этим власть широко пользуется для борьбы с политическими противниками. Примеров множество.

Игорь Артемов, лидер политической организации РОИС, многолетний депутат Владимирской областной Думы. Возбуждено дело по статье 282. Предметом обвинения является высказывание: «Православие – истинная религия... Единственный путь спасения – жизнь во Христе». Если говорить такие вещи – преступление, то надо сажать всю православную Церковь разом! Но, судя по тому, что патриарх и епископы у нас пока на свободе, приходится предположить, что это лишь предлог, а истинной причиной преследования стала активная политическая деятельность обвиняемого.

Другой пример – Константин Крылов, известный общественный деятель и публицист, руководитель Русского Общественного Движения. Он находится под следствием за речь на митинге, в которой он сказал, что кавказские республики ничего не производят, но получают огромные дотации из бюджета. В этом правоохранительная машина усмотрела «возбуждение ненависти и вражды» к жителям Кавказа. А уж понятие «социальная группа», не имеющее четкого определения в законодательстве, открывает невиданный простор для политических репрессий. Уже открыты социальные группы «чиновников», «сотрудников милиции», «сотрудников ФСБ», «высших должностных лиц государства» и даже «членов партии Единая Россия» - и все они не подлежат критике, потому что критика возбуждает ненависть и вражду, а за это можно попасть под суд. Что это, если не политические преследования?

Поэтому вот наша позиция: статьи 280, 282 и прочие, которые я здесь назвала, необходимо отменить, людей, осужденных по этим статьям – реабилитировать, текущие дела по этим статьям – прекратить. Это именно политические статьи. Пока они не отменены – всех, кто проходит по этим статьям, нужно считать узниками совести или преследуемыми по политическим мотивам.

Часто можно услышать: «Но ведь если люди высказывают действительно ужасные вещи – их надо как-то за это наказывать!» Пожалуй, это уже не юридический вопрос – это вопрос более фундаментальный, мировоззренческий.

Есть принцип, лежащий в основе нашей современной цивилизации – принцип свободы слова, гениально сформулированный Вольтером: «Ваше мнение мне отвратительно – но я

готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли свободно его высказывать».

Если кто-то говорит ужасные вещи – можно с ним спорить, можно его сурово осуждать, можно всячески демонстрировать ему свое неприятие, можно организовать его общественный бойкот или воздействовать на него любыми другими мерами, возможными для гражданского общества. Но нельзя звать жандарма, чтобы жандарм схватил его за шиворот и потащил в тюрьму. Нельзя отдавать на откуп государству вопрос о том, какие слова можно произносить, а какие нельзя. Государство всегда будет решать этот вопрос в свою пользу. Это все равно, что приглашать к себе в деревню стаю волков, чтобы они съели соседа, потому что он уж очень мерзкий тип. Может быть, они пообедают соседом – но ужинать будут тобой.

Поэтому – только отмена 282, только прекращение всех дел и реабилитация всех осужденных.

Вторая группа узников совести, небольшая, но важная – это люди, осужденные за участие в мирных массовых мероприятиях или за свои действия во время этих мероприятий. Чаще всего речь идет о «неповиновении» или «сопротивлении сотрудникам полиции». Иногда – об «организации несанкционированного массового мероприятия». Самый известный пример в последнее время – пятеро «узников Манежки».

Что сказать по этому поводу? Во-первых, как правило, подобные дела фальсифицируются. В январе прошлого года, все мы помним: едва ли не все лидеры оппозиции в Москве провели новогодние праздники в спецприемнике на Симферопольском бульваре. «Диагноз» был у всех один: «сопротивление сотрудникам милиции». На самом деле ни один из них не сопротивлялся милиции, и об этом совершенно точно знали все – включая и самих милиционеров, и судью Боровкову, выносившую все эти решения.

То же самое можно сказать об «узниках Манежки». Возможно, кто-то из этой пятерки действительно дрался с ОМОНОм – но очевидно, что эти пятеро, во-первых, физически не могли «организовать Манежку», и во-вторых, не делали там ничего такого, чего не делали вместе с ними еще 15 тысяч человек.

Во-вторых – и это главное – само понятие «несанкционированного мероприятия» противозаконно и антиконституционно. Оно прямо противоречит 31 статье Конституции РФ – о свободе собраний. Граждане имеют право собираться мирно, без оружия, там и тогда, где и когда сочтут нужным. Власть не имеет права запрещать мирные массовые мероприятия, не имеет права разгонять их с помощью ОМОНа и задерживать их участников. А если она все же это делает – тогда участники этих мероприятий имеют право НЕ ПОДЧИНЯТЬСЯ незаконным распоряжениям полицейских и СОПРОТИВЛЯТЬСЯ их незаконным силовым действиям. Права на самооборону никто не отменял. Бьет ли тебя бандит в переулке кастетом или ОМОновец на площади дубинкой – неважно: ты имеешь право защищаться.

Поэтому наша позиция: все люди, осужденные за участие в «несанкционированных» массовых мероприятиях, за «неповиновение» или «сопротивление» сотрудникам полиции во время этих мероприятий – узники совести, все они должны быть реабилитированы, дела против них должны быть прекращены.

Следующая группа, намного более сложная – «политзаключенные в широком смысле слова». Те, кто обвиняется или осужден за «обычные» уголовные преступления – по статьям 105, 159 и т.д. – однако есть веские основания сомневаться в их виновности и считать эти дела сфабрированными по политическим причинам.

Самая сложная ситуация: здесь каждое дело индивидуально, в каждом нужно разбираться отдельно.

Редко возможна полная гарантия того, что человек невиновен. Бывают случаи более или менее очевидные: если он, как Сергей Аракчеев, был дважды оправдан двумя судами

присяжных на основании доказанного алиби – думаю, это очень сильный аргумент в пользу невиновности. Но, как правило, остается недоказуемость, остается какой-то элемент сомнения или веры. А значит, вступают в игру симпатии, антипатии, убеждения и предубеждения, начинается «политика»; аргументы, вполне убедительные для одних правозащитников, оказываются неубедительны для других...

Яркий пример – дело Тихонова и Хасис. Мы настаиваем на том, чтобы они были включены в списки политзаключенных, именно потому, что следствие и суд проходили с грубыми нарушениями, на присяжных оказывалось давление, все это задокументировано; при этом доказательная база очень слаба, и фактически главный аргумент обвинения – это «они националисты, значит, они и убили». Но для многих наших левых и либеральных оппонентов Тихонов и Хасис – страшные люди, воплощения зла, и требовать их освобождения для них просто невыносимо. Есть и обратные примеры. Так, Ходорковский – несомненный, даже «эталонный» политзаключенный для либералов; но для многих и в левом, и в правом лагере он – одиозная фигура, живое воплощение тех ужасов и трагедий, которые происходили с нашей страной в девяностых. Эти люди могут даже признавать, что причины его осуждения политические, что оба суда над ним имели мало общего с правосудием – и однако для них психологически, эмоционально невозможно защищать его или требовать для него свободы.

Получается тупик. Есть ли из него выход? Думаю, есть. По спорным фигурам такого рода, по которым не удастся достичь согласия, можно выдвигать компромиссное требование, которое будет принято всеми: это пересмотр дела объективным, независимым, гласным судом.

Правозащитники не должны, как заметил один из моих оппонентов, подменять собою адвокатов. Это верно – но точно также не должны они подменять следователей или судей. Не дело правозащитника – проводить второе расследование дела, или выносить вердикт. Разумеется, работая с конкретным уголовным делом, правозащитник всегда составляет какое-то личное мнение о том, виновен или невиновен обвиняемый – однако это решение не входит ни в его задачи, ни, строго говоря, в его компетенцию. Его цель – благо общества в целом, и в данном случае это благо состоит в наличии независимого и справедливого суда. Так что, обнаружив в деле серьезные нарушения, признаки политического давления на суд, правозащитник обязан обратить на это внимание общества – и требовать, как минимум, нового, независимого судебного процесса.

Наконец, четвертая группа политзаключенных – пожалуй, самая противоречивая, даже парадоксальная. Это люди, которые действительно совершили какие-то противоправные деяния, отбывают за них наказание – однако наказаны более сурово, чем требует логика закона и дух справедливости, причем эта чрезмерная суровость обусловлена политическими причинами. Юридически это оформляется двумя путями: либо искусственно утяжеляется квалификация дела (например, деяние, реально представляющее собой «хулиганство», квалифицируется как «терроризм» - с соответствующими последствиями), либо к основным статьям обвинения добавляются статьи политические, чаще всего 282 – что влечет за собой автоматическое утяжеление наказания.

Добавление 282 статьи зачастую происходит вопреки всякой логике и здравому смыслу, так что вызывает изумление. Приведу известный пример – дело Копцева: молодой человек врывается в синагогу, размахивает ножом, легко ранит нескольких человек, выкрикивая при этом антисемитские лозунги – и получает за это 16 лет (!), причем из них 3 года обусловлены добавленной к обвинению 282 статьей. Возникает вопрос: в ком он «возбуждал ненависть к евреям» – неужто в евреях к самим себе? Ведь никто, кроме них, его не слышал. По-видимому, он испытывал ненависть и ее выражал – но где же здесь «возбуждение»? Выходит, что мотив преступления превращается в отдельное преступление? Это нелепость.

Между тем это стандартная практика, и количество дел, искусственно утяжеленных таким образом, исчисляется сотнями, если не тысячами. Очевидно, это также недопустимо, и подобные дела нуждаются в пересмотре.